

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 81'23+81'27
ББК Ш100.63

ГРНТИ 16.21.29

Код ВАК 5.9.8

Ирина Александровна Бубнова^{1✉}, Дарья Вадимовна Горохова^{2✉}

¹ Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия, aribubnova@gmail.com✉, SPIN-код: 8509-4941

² Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия, d.gorohova@odin.mgimo.ru✉, SPIN-код: 2121-2458

Как связаны *добро* и *зло*, или Меняется ли нравственный идеал русской культуры?

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются результаты экспериментального исследования, направленного на выявление предпочитаемой оценки соединения *добра* и *зла* молодыми людьми, выросшими и прошедшими социализацию в современной России. Важность этого показателя заключается в том, что он, согласно модели, разработанной В. Лефевром, является индикатором предпочитаемого человеком типа поведения в конфликтной ситуации и определяет фундаментальное отличие — стремление к компромиссу либо ориентацию на конфронтацию — между западной и русской культурами. Актуальность проведенного исследования определяется выявлением сдвига в оценке респондентами возможности соединения положительного и негативного полюсов проблемы. Сравнение полученных результатов с данными эксперимента В. Лефевра, проведенного им в конце XX века, показало следующее: 1) отношение к объединению либо разъединению *добра* и *зла* в сознании современных молодых людей динамично меняется, объединение этих сущностей, как правило, допускается в тех случаях, которые касаются *друга* и не связаны с нарушением закона; 2) современные молодые люди демонстрируют стремление искать компромиссные решения, но не идти на конфликт; 3) несмотря на то, что полученные результаты демонстрируют постепенное размывание нравственного идеала, закреплённого в русской культуре, наблюдаемая жесткая поляризация мнений по фундаментальным для культуры вопросам, связанным со спасением невиновных и уничтожением людей без попыток вступить с ними в контакт, может свидетельствовать о расколе, существующем в российском обществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: добро, зло, нравственность, нравственный идеал, русская культура, молодежь, экспериментальные исследования, компромисс, конфликтные ситуации, российское общество.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Гуманитарно-прикладного института, Национальный исследовательский университет «МЭИ»; 111250, Россия, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 14, стр. 1; aribubnova@gmail.com.

Горохова Дарья Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка в сфере юриспруденции, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России; 143007, Россия, Московская область, Одинцово, ул. Новоспортивная, д. 3; email: d.gorohova@odin.mgimo.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бубнова, И. А. Как связаны *добро* и *зло*, или Меняется ли нравственный идеал русской культуры? / И. А. Бубнова, Д. В. Горохова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 25–31.

Irina A. Bubnova^{1✉}, Dar'ya V. Gorokhova^{2✉}

¹ National Research University «Moscow Power Engineering Institute» (MPEI), Moscow, Russia, aribubnova@gmail.com✉, SPIN code: 8509-4941

² Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Branch) in Odintsovo, Russia, d.gorohova@odin.mgimo.ru✉, SPIN code: 2121-2458

The Relationship between the *Good* and the *Evil*, or Has the Moral Ideal of Russian Culture Changed?

ABSTRACT. The article deals with the results of a pilot study aimed at identifying the preferred evaluation of the relationship between the good and the evil by young people who grew up and were socialized in modern Russia. The importance of this indicator lies in the fact that, according to the model developed by V. Lefebvre, it is a bellwether for a person's preferred type of behavior in a conflict situation and determines the fundamental difference – the desire for compromise or call for confrontation – between Western and Russian cultures. The relevance of this research is determined by the identification of a shift in the respondents' evaluation of the possibility of combining the positive and negative poles of the problem. The comparison of the results obtained with the data of Lefebvre's experiment conducted by him at the end of the twentieth century showed the following: 1) the attitude towards the unification or separation of the good and the evil in the minds of modern young people is dynamically changing; the unification of these entities is usually possible in relation to a friend and has nothing to do with breaking the law; 2) modern young people demonstrate a desire to seek compromise solutions and avoid conflict; 3) despite the fact that the results obtained demonstrate a gradual erosion of the moral ideal enshrined in Russian culture, the observed serious polarization of opinions on issues fundamental to culture related to the rescue of innocent people and the destruction of people without attempting to establish contact with them may serve as evidence of a split existing in Russian society.

KEYWORDS: *the good, the evil, morality, moral ideal, Russian culture, young people, experimental studies, compromise, conflict situations, Russian society.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Bubnova Irina Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages, Humanitarian and Applied Institute, National Research University «Moscow Power Engineering Institute» (MPEI), Moscow, Russia.*

Gorokhova Dar'ya Vadimovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Legal English, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow Region, Russia.

FOR CITATION: *Bubnova I. A., Gorokhova D. V. (2025). The Relationship between the Good and the Evil, or Has the Moral Ideal of Russian Culture Changed? In Political Linguistics. No 2 (110), pp. 25-31. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Понятия *добра* и *зла* не просто существуют в любой культуре, но и, с точки зрения философии, морали и религии, считаются основополагающими и взаимоопределяющими этическими категориями, являющимися некой обобщенной и всеохватывающей смысловой установкой, регулятором жизни человека, воздействующим на организацию социума, взаимоотношения между его членами, определяющим правила поведения и общения между людьми.

Как само наличие данных идей, так и способ их передачи в процессе воспитания в коллективе, а также их концептуализация и вербализация в виде определенных моделей поведения, обеспечивающих удовлетворение базовых и вторичных потребностей, позволяет определять данную оппозицию как культурную универсалию, содержание которой обусловлено определенными нравственными нормами [Степин 2001].

Однако существующий в том или ином культурном сообществе идеал нравственного совершенства и, соответственно, восприятие некой ситуации как ситуации *добра* либо *зла* определяются не только культурой, которая, что необходимо подчеркнуть, и сама не является чем-то застывшим и неизменным: под внешним воздействием она способна адаптироваться к социальной среде других народов, заимствуя их ценности и приспосабливаясь к новым психологическим потребностям человека [Мёрдок 1997]. Помимо культуры, этот идеал зависит и от этических систем, представляющих собой, по мнению В. А. Лефевра, уровень некоего «вакуума», который «глубже, чем то, что можно усвоить из культуры» [Лефевр 2003б: 448], однако именно на нем «все главное и происходит, но не принимается во внимание» [там же: 446].

Еще в последней трети XX века, моделируя процессы принятия решений в конфликтных ситуациях и, соответственно, специфику осознания конфликта в мышлении человека, В. А. Лефевр пришел к выводу, что существует два типа поведения, в основе которых лежит оценка соединения либо

разъединения негативного и позитивного полюсов стоящей перед личностью проблемы: при отрицательной оценке соединения *добра* и *зла* на уровне отношений человек предпочитает объединяться с другими людьми, и, напротив, положительная установка на соединение двух полюсов коррелирует с отношением разъединения с оппонентом [Лефевр 2003а; Лефевр, Смолян 1968]. Собственно, эти различия в оценке, выявленные в ходе экспериментов, и обуславливают, как пишет автор модели, фундаментальные отличия между западным и советским человеком, и, шире, западной и русской культурами, проявляющиеся в стереотипах поведения их носителей, прежде всего их поведении в случае конфликта, когда американец стремится к поиску компромисса, а индивид, выросший в СССР, настроен агрессивно и идет на конфронтацию.

Выводы о несходстве двух этических систем по ключевому для мирного сосуществования и сотрудничества признаку, сделанные несколько десятилетий назад, не только не потеряли актуальности, но, как представляется, приобрели в настоящий момент еще большую значимость, так как от поведения участников многочисленных современных конфликтов, от выбираемых ими стратегий решения зависит дальнейшая траектория развития человечества, будущее и судьба не только сегодняшнего, но и последующих поколений. Это обстоятельство и послужило одним из основных мотивов для проведения нашего экспериментального исследования.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОЦЕНКИ ОБЪЕДИНЕНИЯ/РАЗЪЕДИНЕНИЯ ДОБРА И ЗЛА

Целью проведенного исследования являлось: 1) выявление предпочитаемой оценки соединения *добра* и *зла* современными молодыми людьми, выросшими и прошедшими социализацию в современной России; 2) определение сдвигов в оценке конфликтной ситуации и, соответственно, предварительная диагностика современного состояния нравственного идеала русской культуры.

Таблица 1

Оценка соединения добра и зла современной молодежью России

Вопрос	Кол-во «Да»	Кол-во «Нет»
Должен ли врач скрыть от больного диагноз «рак», чтобы тот меньше страдал?	4	59
Следует ли наказывать преступников строже, чем предусматривает закон, чтобы другим неповадно было?	11	52
Можно ли лжесвидетельствовать, чтобы спасти на суде невиновного?	29	34
Следует ли подсказывать другу на экзамене?	52	11
Должен ли достойный человек в ситуации конфликта с наглецом стремиться к компромиссу?	47	16
Группа террористов захватила самолет. Есть возможность их уничтожить и не причинить вреда ни одному пассажиру...	32	31

Респондентами в исследовании выступили студенты вуза, общее количество — 63 человека, средний возраст участников — 20 лет.

Вопросы, которые предлагались участникам эксперимента, были идентичны вопросам, предложенным своим респондентам В. А. Лефевром:

Должен ли врач скрыть от больного диагноз «рак», чтобы тот меньше страдал?

Следует ли наказывать преступников строже, чем предусматривает закон, чтобы другим неповадно было?

Можно ли лжесвидетельствовать, чтобы спасти на суде невиновного?

Следует ли подсказывать другу на экзамене?

Должен ли достойный человек в ситуации конфликта с наглецом стремиться к компромиссу?

Группа террористов захватила самолет. Есть возможность их уничтожить и не причинить вреда ни одному пассажиру. Другая возможность — сначала предложить террористам сдаться. Руководитель группы освобождения принял решение не вступать с террористами ни в какие переговоры — правильно ли он поступил?

Результаты эксперимента представлены в таблице 1.

ОБСУЖДЕНИЕ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Очевидно, что полученные данные значительно отличаются от результатов эксперимента В. А. Лефевра, в ходе которого подавляющее большинство респондентов, представленных эмигрантами, выехавшими из СССР, ответили на все предложенные вопросы положительно, а все участники-американцы дали отрицательные ответы.

В нашем случае оценки ситуаций, где возможно соединение либо разъединение добра и зла, варьируются от практически

полного неприятия такого объединения до достаточно согласованного мнения о необходимости выбора положительного варианта, что требует детального обсуждения каждого заданного вопроса.

Из данных, представленных в таблице 1, следует, что в трех ситуациях мнение, высказанное нашими респондентами, не совпадает с позицией эмигрантов из СССР, принимавших участие в эксперименте В. А. Лефевра, но тождественно выбору американцев. Иначе говоря, фиксируемое в настоящий момент в ответах отрицание необходимости сокрытия болезненной и причиняющей страдания информации от пациента, рост стремления к компромиссу в ситуации конфликта, а также отказ от ужесточения предусмотренного законом наказания свидетельствуют о существенном сдвиге в оценке соединения добра и зла в сознании российской молодежи. Более того, данный сдвиг вполне предсказуем, а его появление достаточно закономерно в новых экономических и социальных реалиях, где поведение человека регулируется заимствованными социальными нормами, которые активно внедряются в общественное сознание на протяжении нескольких десятилетий.

Так, взаимоотношения между врачом и пациентом сегодня регламентируются прежде всего законом [Федеральный закон 2011], не просто обязывающим сообщать всю информацию о состоянии человека, но и предусматривающим ответственность врача за ее сокрытие. Помимо этого, потребность в знании истинного положения вещей для среднестатистического жителя современной России мотивирована и необходимостью приведения в надлежащий порядок значительного числа документов, которые регулируют права собственности и наследования, что не являлось фактором, значимым для жизни советского гражданина. Следует отметить и тот факт, что в современном социуме, наряду с существующими юридиче-

скими требованиями и нормами, в самых разных типах дискурса с помощью лидеров мнений постоянно поддерживаются оживленные дискуссии о праве человека распоряжаться своей жизнью самостоятельно, об особой ценности «роли умирающего» (см., например, полемику о книге [Gawande 2014]) и многих других сторонах действительности, которые десакрализируют момент ухода человека из жизни, разрушая незаметно представления и мировоззренческие установки, закрепленные в культуре. В результате прагматическая точка зрения на болезнь, смерть и все последующие за ней процедуры, преобладающая в современном обществе, сегодня оказывается приоритетной, а желание оградить человека от страданий отходит на второй план, и это, в свою очередь, не может не влиять на выбор поведенческого образца в данной конкретной ситуации, которая уже не воспринимается сознанием как конфликтная.

Отражаемое в эксперименте стремление к поиску компромиссных решений, как представляется, есть следствие социального влияния в не меньшей мере, чем выбираемый врачом и одобряемый современным обществом сценарий действий при столкновении со страхом и болью, испытываемой другим человеком. Различие состоит лишь в том, что в основе готовности к уступкам и соглашениям лежит не стремление избежать неприятных эмоций и нежелательных последствий в будущем, а уже сформированный в сознании нескольких поколений образец толерантного поведения как тот стандарт, которому обязан следовать индивид.

Интересно попутно отметить, что в публичном пространстве в разговорах о толерантности почти не упоминается тот факт, что данный термин, введенный английским иммунологом П. Медавара, обозначает отсутствие ответа иммунной системы на чужеродный антиген, т. е. процесс, ведущий к

гибели организма, а следовательно, толерантность в социальном смысле, представляя собой искусственно навязанную терпимость к любым идеям и мировоззренческим позициям, является, с одной стороны, средством разрушения закреплённой в собственной культуре системы нравственных ценностей, с другой — маркером отсутствия способности в любой ситуации критически оценивать реальность, нежелания проявлять волевое усилие и неготовности отстаивать свое мнение. По крайней мере, полученные результаты дают возможность предположить, что один из важных элементов этической системы русской культуры, ориентированной на самостоятельное выстраивание и защиту собственной позиции в ситуации конфликта, уже претерпел значительные изменения.

Причина несогласия с усилением строгости наказания также весьма очевидна. Такое мнение может объясняться знаниями наших респондентов об истории страны, прежде всего полученными в процессе школьного образования [Бубнова 2019; Горохова 2019]. Еще более важным источником информации является интернет [Бубнова 2020, 2021 и др.], различные социальные сети, а также современное кино, которые формируют весьма специфическое представление как о далеком, так и о недавнем прошлом и месте России в мире.

Особо интересны, на наш взгляд, ответы на вопросы о подсказке другу на экзамене и лжесвидетельстве ради спасения невинного (диаграммы на рис. 1 и 2), предполагающие непосредственную личную вовлеченность и возможность в большей или меньшей степени, но повлиять на судьбу другого человека, либо близкого, либо страдающего безо всяких оснований, причем принятое тобой решение может оказаться критическим.

Следует ли подсказывать другу на экзамене?
63 ответа

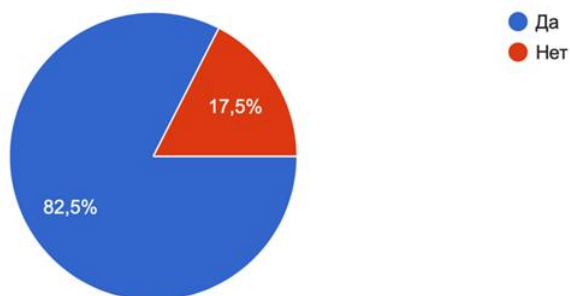

Рис. 1

Можно ли лжесвидетельствовать, чтобы спасти на суде невиновного?

63 ответа

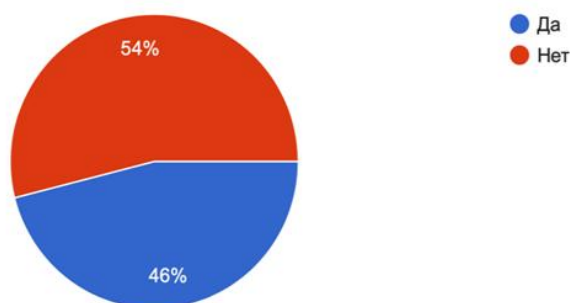

Рис. 2

Группа террористов захватила самолет. Есть возможность их уничтожить и не причинить вреда ни одному пассажиру. Другая возможность... переговоры – правильно ли он поступил?

63 ответа

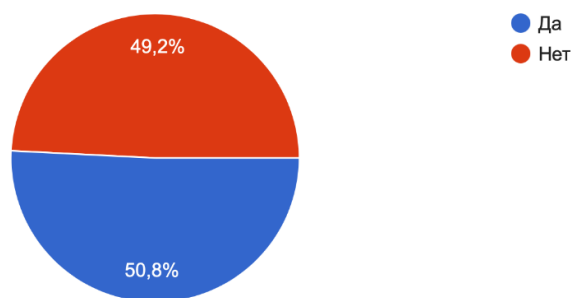

Рис. 3

Следует подчеркнуть, что в русской культуре понятие *друга* всегда занимало особое место, и еще на рубеже XX–XXI веков оно входило в ядро русского языкового сознания [САС 2004; Уфимцева 1999; Шапошникова 2022; Гридина, Коновалова 2020 и др.], что являлось одной из его отличительных черт по сравнению с ядром лексикона, выделенного А. А. Залевской [Залевская 1981] по материалам Ассоциативного тезауруса английского языка [Kiss and all 1972], в котором данное слово занимало 73 место из 75. Как отмечает А. А. Уфимцева, важнейшими характеристиками слова «друг» являются такие, как *бесценный*, *близкий*, *родной*, *любимый* и т. д., друг — это *моя защита* (1), *помощь* (1), *счастье* (1), *тепло* (1), *не оставит в беде* (1) [Уфимцева 1999]. Поэтому вполне объяснимо, что для бывших советских граждан помощь другу оказывалась совершенно естественным явлением. Сегодня почти 20 % респондентов не считают такое поведение правильным, что косвенно еще раз подтверждает выводы о том, что ценность *дружбы* и *друга* в современном российском обществе снижается, уступая место *здоровью*, *деньгам*, *радости*, *спокойствию*,

тишине, *семье*, т. е. тем вещам, которые обеспечивают личный комфорт.

Не менее показательны реакции на вообразимую ситуацию в суде, в которой для более половины участников соблюдение закона оказывается важнее, чем жизнь невиновного человека. И несколько удивительным на этом фоне кажется ответ, поддерживающий решение об уничтожении террористов без вступления с ними в переговоры, который дали 50,8 % испытуемых (отказались спасти невиновного 54 %; см. диаграмму на рис. 3). Тем не менее в целом из этих ответов становится очевидным, что ценность жизни другого для современных молодых людей, по крайней мере значительной их части, не слишком велика, что отчасти может объясняться содержанием культурно-идеологических и социально-исторических процессов, на фоне которых происходило их формирование как личностей (о влиянии политических событий на ценности см., например: [Хлопова 2019]).

ВЫВОДЫ

В целом полученные в эксперименте данные позволяют сделать несколько выводов.

1. Отношение к объединению либо разъединению *добра* и *зла* в сознании современных молодых людей динамично меняется: объединение данных сущностей прежде всего допускается в тех случаях, которые касаются близких людей и не связаны с нарушением закона (помощь на экзамене). Если закон должен быть нарушен, то, несмотря на критическое положение человека, оказавшегося в тяжелых обстоятельствах, каждый второй свидетель ситуации откажет ему в помощи.

2. В настоящий момент развития российского общества его молодые представители, как правило, демонстрируют стремление искать компромиссные решения, но не идти на конфликт. Иначе говоря, в обществе уже практически сформирован стандарт толерантного поведения, который является желательным (либо необходимым в силу каких-то обстоятельств) образцом для значительной части его членов. В данном случае вполне можно допустить, что на формирование подобного стандарта поведения существенное влияние оказала и виртуальная реальность, погружение в которую, как писал в конце XX в. В. А. Лефевр, «может радикально изменить тип морального сознания детей» [Лефевр 2003б: 453].

3. Регулятором поведения человека в ситуации выбора прежде всего является прагматическая оценка всех обстоятельств и стремление к собственному комфорту и безопасности, в том числе стремление оградить себя от нежелательных последствий принятых решений либо санкций со стороны государственных органов. Чувства и даже жизни других людей часто рассматриваются в критических ситуациях как «фон» по отношению к своей «фигуре».

4. Данные, полученные в ходе эксперимента, свидетельствуют о том, что нравственный идеал, закрепленный в русской культуре, для части людей теряет отчетливость и уже не всегда может служить ориентиром для принятия решений в конфликтной ситуации.

5. Поляризация мнений, наблюдаемая в ответах на вопросы, касающиеся спасения невиновных и уничтожения людей без попыток вступить с ними в контакт, может свидетельствовать и о расколе современного общества, о существовании двух диаметрально противоположных нравственных идеалов, один из которых связан с традиционными ценностями русской культуры, а другой сложился на основе заимствованных культурных норм.

ИСТОЧНИКИ

1. Славянский ассоциативный словарь: рус., белорус., болг., укр. / Н. В. Уфимцева [и др.]. — Москва : Моск. гос.

лингвист. ун-т [и др.], 2004. — 790 с. — Текст : непосредственный.

2. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» : от 21.11.2011 N 323-ФЗ (последняя редакция). — URL: <https://base.garant.ru/12191967/> (дата обращения: 17.03.2025). — Текст : электронный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бубнова, И. А. Прецедентное имя: символ славного прошлого и расколотого настоящего / И. А. Бубнова. — Текст : непосредственный // Этнопсихоллингвистика. — 2019. — № 2. — С. 102–114.
- Бубнова, И. А. Ценности и образ будущего поколения Z: специфика системы / И. А. Бубнова. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2021. — Т. 12. — № 2. — С. 269–278. — DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-269-278.
- Бубнова, И. А. Песня как зеркало государственной морали и инструмент конструирования мировоззрения личности / И. А. Бубнова. — Текст : непосредственный // Вопросы психоллингвистики. — 2020. — № 3 (45). — С. 28–40. — DOI 10.30982/2077-5911-2020-45-3-28-40.
- Горохова, Д. В. Динамика содержания и номенклатуры прецедентных имен в языковом сознании носителей русской лингвокультуры : дис. ... канд. филол. наук / Горохова Д. В. — Москва, 2019. — 234 с. — Текст : непосредственный.
- Гридина, Т. А. Ассоциативно-вербальная сеть как динамическая модель языкового сознания: экспериментальные данные / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. — Текст : непосредственный // Психоллингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2020. — № 18. — С. 27–47. — DOI 10.26170/pla20-01-04.
- Залевская, А. А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека / А. А. Залевская. — Текст : непосредственный // Психоллингвистические исследования в области лексики и фонетики. — Калинин : [б. и.], 1981. — С. 28–44.
- Лефевр, В. А. Алгебра совести / В. А. Лефевр. — Москва : Когито-Центр, 2003а. — 426 с. — Текст : непосредственный.
- Лефевр, В. А. Рефлексия / В. А. Лефевр. — Москва : Когито-Центр, 2003б. — 496 с. — Текст : непосредственный.
- Лефевр, В. А. Алгебра конфликта / В. А. Лефевр, Г. Л. Смолен. — Москва : Знание, 1968. — 64 с. — Текст : непосредственный.
- Мёрдок, Д. П. Фундаментальные характеристики культуры / Д. П. Мёрдок. — Текст : непосредственный // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. — Санкт-Петербург : Университетская книга, 1997. — С. 49–57.
- Степин, В. С. Мировоззренческие универсалии как основание культуры / В. С. Степин. — Текст : непосредственный // Универсалии восточных культур / отв. ред. М. Т. Степанянц. — Москва : Восточная литература, РАН, 2001. — С. 14–41.
- Уфимцева, Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания / Н. В. Уфимцева. — Текст : непосредственный // Этнокультурная специфика языкового сознания. — Москва : [б. и.], 1996. — С. 139–162.
- Хлопова, А. И. Отражение политических событий в свободном ассоциативном эксперименте / А. И. Хлопова. — Текст : электронный // Знание. Понимание. Умение. — 2019. — № 2, июнь. — ISSN 2218-9238. — URL: <https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/987> (дата обращения: 17.03.2025). — DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2019.2.18>.
- Шапошникова, И. В. Русская языковая личность в актуальной диахронии: новая база ассоциативно-вербальных данных (2014–2021) / И. В. Шапошникова. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2022. — Т. 13. — № 3. — С. 648–665. — DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-648-665.
- Gawande, A. Being Mortal: Medicine and What Matters in the End / A. Gawande. — [S.l.] : Metropolitan Books, 2014. — 304 p. — Text : unmediated.
- Kiss, G. R. The associative thesaurus of English / G. R. Kiss, G. Armstrong, R. Milroy. — Edinburgh : [s.n.], 1972. — Text : unmediated.

MATERIALS

1. Ufimtseva, N.V. [et al.] (2004). *Slavyanskiy assotsiativnyy slovar': rus., beloruss., bolg., ukr.* [Slavic associative dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian]. Moscow: Moscow State Linguistic University, 790 p. (In Russ.)

2. Russian Federation (2011). *Federal'nyy zakon "Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v RF" ot 21.11.2011 N 323-FZ* [Federal Law "On the fundamentals of public health protection in the Russian Federation" No. 323-FZ of 21.11.2011]. Retrieved March 17, 2025, from <https://base.garant.ru/12191967/> (In Russ.)

REFERENCES

1. Bubnova, I.A. (2019). Precedentnoe imya: simvol slavnogo proshlogo i raskolotogo nastoyashchego [Precedent name: A symbol of glorious past and divided present]. *Ethnopsycholinguistics*, 2, 102–114. (In Russ.)

2. Bubnova, I.A. (2021). Tsennosti i obraz budushchego pokoleniya Z: spetsifika sistemy [Values and the image of the future of Generation Z: System specifics]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 269–278. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-269-278 (In Russ.)

3. Bubnova, I.A. (2020). Pesnya kak zerkalo gosudarstvennoy morali i instrument konstruirovaniya mirovozzreniya lichnosti [Song as a mirror of state morality and a tool for constructing personal worldview]. *Issues of Psycholinguistics*, 3(45), 28–40. DOI: 10.30982/2077-5911-2020-45-3-28-40 (In Russ.)

4. Gorokhova, D.V. (2019). *Dinamika sodержaniya i nomenklatury predsedennykh imen v yazykovom soznanii nositeley russkoy lingvokul'tury* [Dynamics of content and nomenclature of precedent names in the linguistic consciousness of Russian speakers] (Diss. Cand. Sci. (Philol.)). Moscow, 234 p. (In Russ.)

5. Gridina, T.A., & Konovalova, N.I. (2020). Assotsiativno-verbal'naya set' kak dinamicheskaya model' yazykovogo soznaniya: eksperimental'nye dannye [Associative-verbal network as a dynamic model of linguistic consciousness: Experimental data]. *Psycholinguistic Aspects of Speech Activity*, 18, 27–47. DOI: 10.26170/pla20-01-04 (In Russ.)

6. Zalevskaya, A.A. (1981). O kompleksnom podkhode k issledovaniyu zakonornostey funktsionirovaniya yazykovogo mekhanizma cheloveka [On a comprehensive approach to study-

ing the functioning of human language mechanisms]. In *Psycholinguistic Studies in Lexics and Phonetics* (pp. 28–44). Kalinin. (In Russ.)

7. Lefebvre, V.A. (2003a). *Algebra sovesti* [Algebra of conscience]. Moscow: Cogito-Center, 426 p. (In Russ.)

8. Lefebvre, V.A. (2003b). *Refleksiya* [Reflection]. Moscow: Cogito-Center, 496 p. (In Russ.)

9. Lefebvre, V.A., & Smolyan, G.L. (1968). *Algebra konflikta* [Algebra of conflict]. Moscow: Znanie, 64 p. (In Russ.)

10. Murdock, D.P. (1997). Fundamental'nye kharakteristiki kul'tury [Fundamental characteristics of culture]. In *Anthology of Cultural Studies* (Vol. 1, pp. 49–57). St. Petersburg: Universitetskaya kniga. (In Russ.)

11. Stepin, V.S. (2001). Mirovozzrencheskie universalii kak osnovanie kul'tury [Worldview universals as the basis of culture]. In *Universals of Eastern Cultures* (pp. 14–41). Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russ.)

12. Ufimtseva, N.V. (1996). Russkie: opyt eshche odnogo samopoznaniya [Russians: An attempt at self-identification]. In *Ethnocultural Specificity of Linguistic Consciousness* (pp. 139–162). Moscow. (In Russ.)

13. Khlopova, A.I. (2019). Otrazhenie politicheskikh sobyitiy v svobodnom assotsiativnom eksperimente [Reflection of political events in free associative experiment]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2. Retrieved March 17, 2025, from <https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/987>. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2019.2.18> (In Russ.)

14. Shaposhnikova, I.V. (2022). Russkaya yazykovaya lichnost' v aktual'noy diakhronii: novaya baza assotsiativno-verbal'nykh dannykh (2014–2021) [Russian linguistic personality in actual diachrony: New database of associative-verbal data (2014–2021)]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 648–665. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-648-665 (In Russ.)

15. Gawande, A. (2014). *Being Mortal: Medicine and What Matters in the End*. Metropolitan Books, 304 p.

16. Kiss, G.R., Armstrong, G., & Milroy, R. (1972). *The associative thesaurus of English*. Edinburg.